НА КОНКУРС

Леонид ЧЕРНЫШОВ

ИСПОВЕДЬ СЕРДЦА

* * *

Я ошибался, ушибался,
мне больно было, улыбался.
Везде, где только не бывал,
в улыбках боль маскировал.
Характер истово ковал.
Отец недаром говорил мне:
«Нет горше в жизни ничего,
вдруг возомнив себя мужчиной,
лишь слабой тенью быть его».

Любимой

Ты камешки речные шевелишь,
жемчужинками
кажутся они мне,
я слушаю озвученную тишь,
и в сердце гром,
как перед майским ливнем.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Я врачевал деревья под окном
и, говорят, был добрым следопытом.
Спас малышей, ужаленных огнем,
рискуя жизнью, осадил бандита.
Превозмогая собственную боль,
болел за тех, кому больнее было.
К земле и людям светлая любовь
во мне по воле сердца говорила.
И, как ребенок, радовался я,
когда помог, хотя бы малость
что ли...
Я чувствую людей, они — друзья.
Всегда мои их радости и боли.
И все-таки я думаю порой,
Что ничего еще я не умею.
Я бугорок, а надо быть горой,
и, может быть,
когда-то стану ею.

ВЫСШАЯ ЧЕСТЬ

Мой дедушка был кузнецом
мировым.
Отец — сталеваром, а я
на домне-гиганте тружусь
горновым,
мила мне работа моя.
Я стал настоящим рабочим
не вдруг,
немало прошло жарких дней.
Железно работать учил меня друг—
бригада, я кланяюсь ей.
Спасибо, друзья!
Как же вас не любить
за все, что в душе моей есть.
Рабочего класса
частицею быть
считаю за высшую честь.
Я там, где важнее.
Я там, где трудней.
Ищите в работе меня.
Всемирное счастье добыть
для людей —
святая мечта и моя.

* * *

Не опоздает время нас состарить.
И надо поторапливаться жить.
И в грязь лицом пред веком
не ударить,
и молодостью сердца дорожить.
Нам молодость нужна не ради
славы,
и потому мне сердце говорит:
«Стареть, мой друг,
мы не имеем права —
призвание поэта не велит».
Поэт волшебным словом
души кормит.
Нет мертвых слов
в большом огне его.
Ты к сердцу прижимаешь
веский томик,
как мать к груди ребенка своего.

СТРОКИ О ЛЮБВИ

Я долго сидел у костра
и совсем не дремал.
Ты рядом дышала,
и вечер казался уютным.
И снова, родная, тебе
я «люблю» не сказал.
Читала любовь ты
в глазах моих ежеминутно.

* * *

Ты за столиком сгорбилась.
Пишешь мне...
Как я рад!
Письма — белые голуби
в мое сердце летят.
Пусть порою ты сердишься,
и молчишь там вдали...
Пусть живешь ты на севере,
но не дальше земли.

Борис КУРКИН

КАК ТРИ РУБЛЯ

(САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ)

Мне пить нельзя. Категорически, как сказали врачи. Раньше, бывало, крепко держался — голова в тумане, ничего не видно — однако иду на своих двоих. А теперь — то печень, то желудок. Кхе-кхе!

А вчера у нас была получка. Кое-кто направился в известное место, на меня рукой махнули — устали уговаривать. Отказал. Как отрезал.

Иду домой. Все сторонкой, мимо гастрономов, пивных и прочих горячих точек.

Смотрю: навстречу Митька Кусов. Год не виделись. Сколько общего у нас с ним было!

— Вася, — дохнул он в лицо перегаром, — ты меня уважаешь?

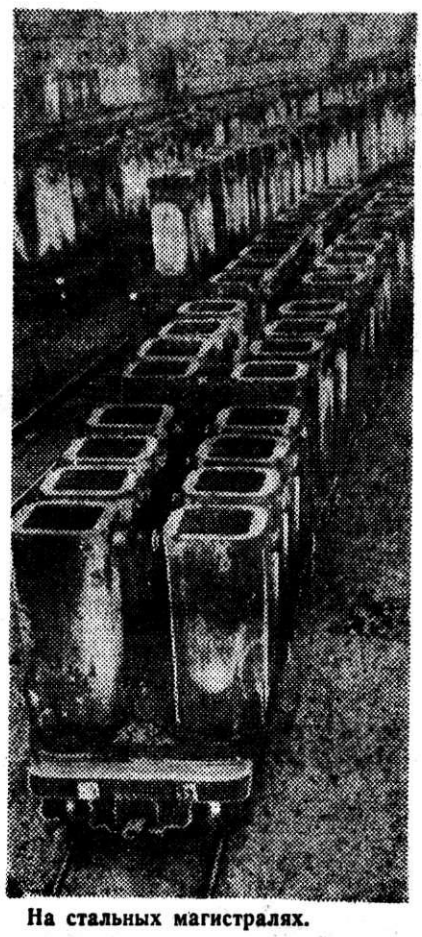
— Брось трепаться, — сказал я строго.

— Вася! Дай три рубля! — радостно завопил он, — выпьем. За встречу. Тряхнем стариной. Врачи? Плюнь. Мы всего чуть-чуть. И не такое терпели.

— На, — шепчу стыдливо и ищу зеленую бумажку, — три рубля. Мигом. Принес. Выпили. Кхе-кхе-кхе. И скрутило меня.

...Сосед по больничной койке заворочался.

— И впрямь, когда привезли тебя, еле отходили. Зеленый весь был. Как три рубля...



На стальных магистралях.

Фото Н. Нестеренко

Сегодня авторы нашей литературной страницы — машинист крана мартеновского цеха № 1 Леонид Чернышов, аппаратчик кислородно - компрессорного цеха Валентин Романов, наш гость с Кузнецкого металлургического комбината Станислав Рыбак, корреспондент газеты «Магнитогорский металл» Борис Куркин.

Предлагаем вашему вниманию их работы.

Валентин РОМАНОВ

МОТОЦИКЛ

На мотоцикл, и газу до отказу!
Ну, бабка, покрестись на образа:
на мотоцикле внук забудет сразу,
что существуют в жизни тормоза.
Что есть на свете
горечь и усталость
и самодельный неуютный цирк...
За все, что было,
что еще осталось,
гони, гуди, дерзай, мой мотоцикл!
Какое это счастье удалое,
с такою юной мыслью в голове:
«Пусть только скорость,
только ветер воет!»
промчаться по асфальту, по траве.
За дремоту, за немоту в отмщенье,
За скованность! А кончится
бензин —
удариться о землю в исступленьи,
как шмель в стекло,
со звонким стоном «дзинь...».

ТОСКА

От тоски такой
березу,
словно чудо-папиросу,
прикурить бы от звезды!
Чтоб из дома вышла ты,
напускать бы в окна дыму,
как от сотни пачек «Примы».
Поняла бы ты меня:
нету дыму без огня.

РИСУНКИ

Мальчишка море рисовал,
матросов, корабли, штурвал.
Теперь в краю штормов и мачт
тайком рисует дом и мать.

МАЛЫШ

У сена свой, особый запах,
не тот, что у травы, цветов...
Босой малыш у стога плакал,
о стерню ножку наколов.
А, может, плакал не от боли?—
понять ребенка нелегко.
Отец косил и был доволен:
для сына будет молоко.
А мать, сынишку утешая,
обула, на руки взяла.
Не плачь, малыш, беда большая
была, когда б трава сгнила.

У нас в гостях труженик Кузнецкого металлургического комбината Станислав РЫБАК

ГИМНАСТЁРКА

(РАССКАЗ)

За зиму Димка привык к тусклому городскому снегу, к серому дымному воздуху и совсем забыл, что на свете есть чистое, сладостно-тревожное апрельское небо. Он стоит на крыле своего самосвала, неотрывно, до слез, тянется взглядом за трепетным треугольником журавлей. Голову полощет пресный, остуженный последним снегом ветер, а снизу, от земли, так и бьет густая влажная теплынь.

Плотная, в растрепанных синих дымках очередь машин неспоро ползет вдоль железнодорожной насыпи. Возле тупика бетонно-растворный узел — огромная спичечная коробка из досок, поставленная на-попа, гудящая и вздрагивающая от работающих внутри механизмов. Здесь— теснота. Но шоферы, демобилизованные солдаты, в гимнастерках, веселые и подтянутые, — народ бывалый. Они лихо, точно игрушки, разворачивают машины и, глядя на свесившихся из окон девчат, становятся точно под бункеры.

У Димки так не получается. Когда его газик выходит к узлу, цепь машин почти замирает. Девчатам из окошек это особенно заметно. Они гроздьями свешиваются вниз.

— Эй, в газике, шевелись!

— Да он уснул, наверно...

— Разбудите дружка, солдаты!

Димка дает задний ход. Приоткрыв дверцу и стоя одной ногой на крыле, он изо всех сил вытягивает над кузовом свое короткое тело. От напряжения его лицо пунцовеет так, что становятся заметными светлые слабые колоски бровей. А сверху бьет:

— Да это ж салажонок!

— Нос сначала научись вытирать...

— Салага!

Так бывает почти всякий раз, когда возле узла собирается очередь и надо спешить. Сегодня машин особенно много. И опять, наверно, его назовут салагой, на весь день испортят настроение. В маленькое зеркало он почти с ненавистью осмотрел свое, по-детски пухлое, без единой морщинки лицо, заерзал на сиденьи. И вдруг Димка сообразил. Он выключил мотор, подождал, пока передняя машина отойдет подальше, вырулил на дорогу, ведущую в поселок, и газик чуть ли не захлебнулся высокой, взятой с места скоростью...

Как назло Димкин сосед по общежитию долго не хотел понять, что от него требуют чужие цепкие руки. Он упорно поворачивался и тут же начинал всхрапывать.

— Я в получку отдам, слышишь Василь. Ну, хочешь, смену сегодня за тебя отработаю.

Василь накрыл голову подушкой.

Димка походил по комнате, заглянул зачем-то в пустой чайник и неожиданно заорал:

— Встать! Генерал идет!

Одеяло, точно отброшенное взрывом, чуть не накрыло Димку. Василь вскочил, ошалело вытаращил глаза и медленно сел на кровать.

— Напугал, дьявол. Горит где-нибудь?

— Горит. Дай мне гимнастерку, Василь. Ей-богу, с получки рассчитаюсь. Надо мне...

— Так бы сразу и говорил. Вон на стуле возьми. И проваливай. Мне — в ночь...

...Стареньký газик вприпрыжку несется назад, стелет по разбитой дороге звенящий шорох цепей, начисто выплескивает из лужиц воду. Весна! В кабине лопается тугой ветер, прохладными лоскутьями падает за ворот гимнастерки. Димка зорко высматривает каждую выбоину, а в перерывах жадно хватает почти забытую синеву неба, заскорузлые, облепленные почками березки, толкает в легкие дух еще нетронутой дождями, выкатанной рубчатыми колесами земли.

Весна! Летят журавли. И летит Димка. А мать говорила: «Сам себе крылья режешь!». Это она потому, что Димка не стал поступать в институт, а пошел в шоферы.

Возле бетонно-растворного узла по-прежнему густо урчали самосвалы, сверху к шоферам свешивались улыбчивые девчата, в кузова звонко шлепался бетон. Никто не заметил, что на площадке одной гимнастеркой стало больше.